

И. В. Кошкинко

СОТРУДНИКИ ПУШКИНСКОГО ДОМА В СУДЬБЕ В. В. ТИМОФЕЕВОЙ

Судьба Варвары Васильевны Тимофеевой¹ была по большому счету трагичной, наполненной разочарованиями, потрясениями и лишениями, но по-своему счастливой, освещенной встречами с великими людьми. Общение с Ф. М. Достоевским, В. Г. Короленко, Г. И. Успенским, М. М. Стасюлевичем, Н. К. Михайловским, В. В. Философовым и многими другими литературными и культурными деятелями 1870–1910-х гг. сыграли огромную роль в становлении ее личности и творческого мировоззрения.

Но не менее судьбоносными и, мы бы сказали, жизненно важными стали ее знакомства с сотрудниками Пушкинского Дома в начале 1920-х гг. Оказавшись в 1911 г. в колонии села Михайловского для престарелых литераторов, она поневоле стала его первым хранителем и экскурсоводом. А с прекращением существования колонии в конце 1917 г., оставшись без жилья и содержания, продолжала отстаивать культурную значимость пушкинского родового поместья или, как она его называла, «памятника былых вдохновений».²

На это время приходятся ее первые связи с пушкинодомцами. Директор Пушкинского Дома Нестор Александрович Котляревский, а по совместительству и председатель Постоянной комиссии для по-

¹ *Тимофеева Варвара Васильевна* (псевд. О. Починковская, Анна Стацевич и др.; 1850–1931) — писательница, автор многих повестей и романов, корректор в журналах «Гражданин» (под руководством Ф. М. Достоевского, об этом периоде опубликованы ее воспоминания), «Отечественные записки», «Искра», «Вестник Европы». С лета 1911 г. жила в колонии для престарелых и неимущих литераторов, открытой в селе Михайловском в память о поэте. См. о ней: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 122–123. Архив писательницы (ф. 425) находится в обработке.

² В 1921 г. в журн. «Вестник литературы» (№ 12) вышла статья В. В. Тимофеевой «Среди памятников былых вдохновений».

собия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Академии наук (до 1920 г.), в марте 1918 г. узнал о бедственном положении писательницы из письма ее близкой подруги Марии Николаевны Стоюниной.³ Она известила также о публикации в газ. «Наш век» обстоятельного сообщения Тимофеевой о разгроме Михайловского⁴ и обратилась с просьбой о назначении ей постоянной пенсии.⁵ Уже в апреле, а затем и в июне пособие было получено, однако это были разовые выплаты, каждый раз требовавшие заявления просителя. В деле Постоянной комиссии № 78 сохранилось единственное письмо Варвары Васильевны к Нестору Александровичу от 25 (12 нояб.) 1918 г., в котором она пишет: «Считаю особенным счастьем для себя, что с этой просьбой о помощи мне приходится обращаться снова к Вам, как председателю Постоянной Комиссии. Не зная Вас лично, я привыкла с глубоким почтением и душевным доверием относиться к имени автора тех чудесных статей в “Вестнике Европы”,⁶ которыми я зачитывалась еще в корректурах. А Ваше доброе участие к моей писательской “горькой судьбине” (о нем сообщает мне бывшая у Вас Е. Н. Петрова) еще более утверждает меня в этой уверенности».⁷ Котляревский

³ Стоюнина Мария Николаевна (1846–1940) – основательница женской гимназии, жена В. Я. Стоюнина (педагога).

⁴ Автор статьи «Разгром пушкинского уголка» С. Бурьяков практически полностью воспроизвел письмо В. В. Тимофеевой, недвусмысленно интерпретировав подобные погромы как некие знаки времени и отметины истории на памятниках культуры, добавляющие им ценность (Наш век. 1918. 29 (16) марта. № 60. С. 2).

⁵ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 30, № 7. Стоюнина прислала Котляревскому письмо с приложением двух писем к ней В. В. Тимофеевой. Однако сохранилось только одно письмо от 25 янв. 1918 г. Второе, вероятно, и было тем самым письмом, написанным после 19 февр. (4 марта по нов. ст.) и предоставленным Марией Николаевной для публикации в газете. Эта просьба, которую можно назвать криком о помощи, исходила от самой Тимофеевой: «Дайте знать в газеты (существуют ли они) о фактах здешнего, повального истребления всех очагов культуры, всех памятников умственной, духовной красоты» (Наш век. 1918. 29 (16) марта. С. 2). В апреле 1919 г. М. Н. Стоюнина вновь обращалась к директору Пушкинского Дома с напоминанием о тяжелом положении писательницы (РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1417, л. 20–20 об.).

⁶ «Памяти Е. А. Баратынского» (1895), «Наше недавнее прошлое» (1896), «Трилогия гр. А. К. Толстого, как национальная трагедия» (1902), «Гр. Алексей Толстой как сатирик» (1906) и др. С 1910 по 1914 г. в «Вестнике Европы» печаталась большая работа Н. А. Котляревского «Очерки из истории общественного настроения в России в шестидесятих годах прошлого века». Состоял членом редакции «Вестника Европы».

⁷ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1417, л. 15.

предложил Тимофеевой передать в Пушкинский Дом ее воспоминания о шести с половиной годах, проведенных в Михайловском до революции, что и было ею сделано в 1920 г.⁸

Пушкинский Дом, получивший в 1918 г. трудами Б. Л. Модзалевского⁹ статус академического учреждения, прилагал активные усилия в восстановлении культурного достояния Михайловского, оставшегося после революции без попечителей.¹⁰ В 1920 г. организуется комиссия по охране «Пушкинского уголка», которую возглавила Тимофеева. В феврале 1920 г. она составляет «Проект охраны Пушкинского уголка».¹¹

⁸ Рукопись «Шесть лет в селе Михайловском» на хранении с 17 янв. 1920 г. с пометой в Книге поступлений («от автора») (РО ИРЛИ, № 14487). Однако 17 янв. Тимофеевой было написано только заявление о передаче рукописи, которая была передана позднее. Запись в «Дневнике» от 30 мая (12 июня) 1920 г. свидетельствует: «Письмо о сдаче мною рукописи он (Н. А. Котляревский. — *И.К.*) получил, но самой рукописи еще не получал (Никифоровский ответит ему сам)» (РО ИРЛИ, ф. 425, дневник «Январь–август 1920 г., л. 149). По ее признанию в упомянутом письме к Н. А. Котляревскому, «пересылка “таких документов” теперь немыслима» (РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 2, № 1417, л. 15–16). Преподаватель и первый помощник Тимофеевой в делах по защите и возрождению Михайловского, будущий первый директор Пушкинского заповедника, Василий Митрофанович Никифоровский 19 авг. (1 сент. по нов. ст.) 1920 г. отправился в Петроград, чтобы передать сочинение «кому следует» (дневник «Июль 1920–июль 1921 г.», л. 11). Для этого он на время попросил у Тимофеевой письмо Котляревского о передаче ее рукописи в Академию наук (из письма В. М. Никифоровского к В. В. Тимофеевой <кон. августа 1920 г.>).

На обложке рукописи есть помета, видимо, принимавшего на хранение: «1 сентября» <1920 г.>; в конце же текста поставлена авторская датировка: «ноябрь 1918 г.», что свидетельствует о времени создания копии для Пушкинского Дома.

⁹ *Модзалевский Борис Львович* (1874–1928) – с середины 1900-х гг. один из инициаторов создания и организаторов Пушкинского Дома, участник его научной, выставочной, административной и хозяйственной деятельности. В 1906 г. с В. А. Рышковым и др. разработал «Положение о Пушкинском Доме» (Высочайше утверждено 14 июля 1907 г.), а в 1918 г. (совместно с В. А. Рышковым и Е. П. Казанович) подготовил проект нового «Положения о Пушкинском Доме», которое придало Дому статус научного академического учреждения. Во время заграничной командировки Н. А. Котляревского исполнял обязанности директора Пушкинского Дома.

¹⁰ До революции Михайловское, выкупленное у потомков поэта в столетнюю годовщину его рождения, было передано в ведение Псковского дворянства, которому оказывали постоянную помощь Губернский и уездный пушкинский комитет. В начале 1920-х гг. Пушкинский Дом не раз предлагал вопрос о статусе Михайловского на рассмотрение в Академии наук, и только в 1933 г. Пушкинский заповедник был передан в ведение на тот момент уже Институту русской литературы (ИРЛИ).

¹¹ См. публикацию этого документа: *Тихонова Л. П.* «Из истории “Пушкинского уголка”»: В. В. Тимофеева-Починковская // Михайловская Пушкиниана. М., 2001. Вып. 19. С. 186–187.

Очевидно, благодаря Котляревскому Тимофеевой было выдано удостоверение сотрудника Пушкинского Дома (конечно же, нештатного), о чем сохранилось свидетельство в письме Василия Митрофановича Никифоровского¹² от 3 февр. 1921 г. из Опочки, с некоторой задержкой передавшего ей это удостоверение: «Посылаю удостоверение “Пушкинского Дома” за № 3108. Не сердитесь на меня за несвоевременную присылку удостоверения: я сам себя достаточно уже наказал». ¹³ Конечно, этот факт, не нашедший подтверждения в документах архива Пушкинского Дома, мы склонны рассматривать как выдачу своего рода охранной грамоты для пожилого человека, выживавшего в послереволюционной России. ¹⁴ К сожалению, через полтора года после назначения 70-летняя писательница сложила с себя полномочия председателя комиссии, ¹⁵ которые в атмосфере хаоса и разрухи были практически невыполнимы, а затем и совсем хотела, «скрепя сердце», выйти из ее состава. «...Одна комиссия не в состоянии осуществить своих целей, если само население – в лице своих выборных представителей – будет оказывать противодействие», — отмечала Тимофеева, подводя итоги деятельности за 1921 г. ¹⁶

Эти ее настроения совпали с получением журн. «Вестник литературы», где была отражена хроника Пушкинских памятных дней февраля 1921 г. Выступления Н. А. Котляревского и А. Ф. Кони о важности всенародного признания значения творческого гения Пушкина нашли живой отклик в душе Тимофеевой, для которой был необходим каждый голос в защиту памяти о поэте: «3 (16 мая). <...> Кони и Котляревский говорят то же, что я, – все это утверждает *меня и мое*. От наробраза, говорят, послана бумага с просьбой не ос-

¹² См. о нем в сноске 8 и подробнее: *Прозорова Н. А.* Первый директор Пушкинского заповедника // *Русская литература.* 2003. № 2. С. 148–161.

¹³ Из письма В. М. Никифоровского к В. В. Тимофеевой от 3 февр. 1921 г. из Опочки (ф. 425).

¹⁴ О том, как почетно было носить «скромное звание» сверхштатного сотрудника Дома, вспоминали коллеги А. Ф. Кони, который «ценил его наряду с высокими званиями почетного академика и почетного члена Академии наук» (Памяти Анатолия Федоровича Кони. Л.; М., 1929. С. 6). А. Ф. Кони (1844–1927) служил в Пушкинском Доме сверх штата с ноября 1923 по сентябрь 1927 г.

¹⁵ На место Тимофеевой с октября 1921 г. был назначен Никифоровский, через полгода ставший первым директором Пушкинского заповедника (Постановление Совнаркома о создании заповедника вышло 17 марта 1922 г.).

¹⁶ *Тимофеева В. В.* Среди памятников былых вдохновений // *Вестник литературы.* 1921. № 12. С. 17.

тавлять комиссии по охране Пушкинского уголка».¹⁷ Она, каждый день сталкивавшаяся с безразличием и неграмотностью, не прекращала пробуждать человеческое в людях из народа и солдатах, регулярно навещала могилу А. С. Пушкина, а в дни его памяти организовывала панихиды у стен Святогорского монастыря, несмотря на опасения священников: «А нам не влетит за это? За то, что служить будем?».¹⁸ Ей нужна была поддержка для осознания «ненапрасности», «нетщётности» ее усилий. Так, получив известие от В. М. Никифоровского о письме для нее Котляревского, она буквально воскресает и записывает в дневнике: «...Снова легко жить на свете, и снова я верю в людей – без “фикций”, с истинной дружбой» (3/16 мая 1921 г.).¹⁹

С Петром Митрофановичем Устимовичем²⁰ Тимофеева познакомилась непосредственно в Михайловском, куда он прибыл осенью 1920 г. (не состоя даже штатным сотрудником Пушкинского Дома). Занимаясь здесь просветительской деятельностью, он помогал отстаивать его святыни: например, для восстановления «домика няни» он предоставил его фотографии, описания и зарисовки.²¹ Устимович был единомышленником Варвары Васильевны, и со временем они очень сблизились. Петр Митрофанович стал одним из немногих, с кем Тимофеева могла наговориться, «отвести душу».²² Позднее его регулярные командировки в Михайловское были связаны с подготовкой первой музейной экспозиции (1924 г.), а на лето он приезжал с женой

¹⁷ Дневник «Июль 1920–июль 1921 гг.», л. 132.

¹⁸ Там же, л. 67. Далее Тимофеева пишет: «И мне пришлось успокаивать робкого или запуганного монаха обещанием принять на себя всю ответственность. Вот времена!».

¹⁹ Дневник «Июль 1920–июль 1921 гг.», л. 132.

²⁰ *Устимович Петр Митрофанович* (1867–1931) – с 1 февр. 1921 г. штатный сотрудник Пушкинского Дома, с августа 1922 г. – помощник хранителя книжных собраний, а с августа 1924 г. до 20 июля 1927 г. – научный сотрудник II разряда в библиотеке, где заведовал личной библиотекой Пушкина и книжной Пушкининой. Один из авторов первых музейных экспозиций в Пушкинском заповеднике в Михайловском в 1924 и 1927 гг. С 1923 по 1927 г. состоял секретарем Особого совещания по научно-художественной охране государственного заповедника «Пушкинский уголок».

²¹ См.: *Коцценко И. В.* Десять лет из жизни «Домика няни» в Михайловском: 1911–1921. (По материалам архива В. В. Тимофеевой) // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы*. СПб., 2011. С. 290–301.

²² Из письма Н. М. Гаршиной к В. В. Тимофеевой от 23 июня 1925 г. (ф. 425). О Н. М. Гаршиной см. сн. 34.

Наташей Сергеевной, с которой Варвара Васильевна в дальнейшем вела постоянную переписку.²³

К 1922 г. Тимофеева закончила заказанный Псковским отделом народного образования путеводитель по «Пушкинскому уголку»²⁴ и ждала его издания для получения хотя бы минимального заработка.²⁵ Заведующий псковским Комитетом по делам музеев, охране памятников старины и искусства, народного быта и природы (Псковский губмузей) Валерьян Федорович Соловьев, не найдя необходимых средств на издание, решил обратиться к Б. Л. Модзалевскому. Вместе с письмом он передал рукопись «Пушкинский уголок – прежде и теперь» и выразил надежду на получение его компетентного мнения о возможных дополнениях или исправлениях на дальнейшее издание, поскольку во Пскове это сделать было практически нереально: «Пользуюсь приездом Н. П. Драмова,²⁶ чтоб переправить Вам рукопись Варвары Васильевны Тимофеевой-Починковской “Пушкинский уголок – прежде и теперь” – нечто вроде спутника по Пушкинским местам. Она хотела бы его издать. У нас в Пскове в данный момент это вещь невозможная. Решаюсь направить ее к Вам. Ваш компетентный просмотр рукописи очень желателен в целях получения указаний о тех добавлениях и исправлениях, какие нужно бы внести в рукопись. <...> В. В. Починковская живет в настоящее время в Святых горах и, будучи сокращена, находится без места в очень тяжелом материальном положении, почему, конечно, заинтересована в оплате ее труда. По моему дилетантскому мнению, рукопись в качестве спутника-путеводителя по Пушкинскому уголку приемлема, хотя

²³ В последнем письме от 23 янв. 1927 г. Н. С. Устимович упоминает о В. В. Тимофеевой, уже проживавшей в Ленинграде, как о гуляющей с «шикарными подвязками» кавалера ордена «Друзей Пушкина». Скорее всего, здесь имеется в виду возможная будущая заслуженная ею награда, так как на сегодня о происхождении подобного ордена ничего не известно.

²⁴ О замысле написания «Путеводителя» упомянуто еще в 1916 г. в ее «Записках» (РО ИРЛИ, № 14487, л. 143). Тогда он задумывался как совместная работа с податным инспектором и краеведом Л. И. Софийским, автором известной книги «Опочка и Опочецкий уезд».

²⁵ После перелома правой руки она была лишена своей должности заведующей святогорской читальней и оставалась совершенно без всяких средств, найдя приют в больнице.

²⁶ *Драмов Никанор Петрович* (1883–не ранее 1939) – архивариус и журналист Правления Академии наук (с 1917 г.), по совместительству сотрудник Пушкинского Дома (с 1919 г.), помощник Управляющего делами Правления АН (1922–1925), научный сотрудник 1 разряда (1925–1934) Архива АН СССР.

с точки зрения такого характера издания не мешало бы упомянуть еще о нескольких пунктах в Тригорском, которые не должны бы быть обойдены, хотя бы единственным источником наших сведений об их связи с Пушкиным служило, например, семейное предание Вревских, не говоря уже о таких местах, как баня, место которой можно указать и теперь. Есть некоторые другие неточности, которые, конечно, Вам будут виднее. Но в общем книжка довольно исчерпывающая и, насколько я убедился по опыту экскурсий, необходимая, так что может иметь сбыт. Если издать ее в Петрограде не представится возможности, то просил бы возвратить ее мне с какой-либо оказией отсюда или от Вас» (8 марта 1922 г.).²⁷

К сожалению, это было практически невозможно и в Петрограде. Модзалевский регулярно, но бесплодно пытался издать труды Пушкинского Дома, и дело было не столько в бумажном кризисе (качественную бумагу иногда удавалось найти), сколько в принципиальных позициях Госиздата, с 1917 по 1923 г. не издававшего академических работ и не дававшего разрешения на это частным издательствам. Многочисленные подготовленные тома собраний сочинений писателей, сборники материалов о них, в том числе «Временник Пушкинского Дома», комментированное издание пушкинских писем оставались неопубликованными. О том, каким напряженным был график жизни, какой масштабной и поистине героической была деятельность Бориса Львовича в послереволюционное десятилетие, мы знаем по кропотливой публикации Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово его записных книжек.²⁸

Решение вопроса затягивалось,²⁹ а вскоре и вовсе пропала его актуальность. С 1922 по 1924 г. появилось несколько книжек подобного рода, написанных как людьми далекими от краеведения и литературоведения (например, журналистка Гаррис), так и опытными специалистами.³⁰ Так уж сложилось, что за составление своего путеводителя

²⁷ Рукопись (неопубл.) вместе с письмом В. Ф. Соловьева хранится в архиве В. В. Тимофеевой.

²⁸ Б. Л. Модзалевский. Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 7–191.

²⁹ Летом 1922 г. М. Г. Кричинская (см. сноску 34) сообщила Тимофеевой, что Б. Л. Модзалевскому вопрос решить пока не удалось.

³⁰ Гладкий А. Пушкинский уголок. Псков, 1922; Гаррис. Уголок Пушкина (с фотографическими снимками). М.; Пг., 1923; Васильев-Ушкунник Ф. А. Пушкинские

Тимофеева получила в качестве вознаграждения только 3 сухостойных пня № 34, 38 и 40 из Тригорского заповедного парка, о чем свидетельствует «Лесорубный билет», выписанный для лесника.

Личное знакомство Тимофеевой с Б. Л. Модзалевским, как, очевидно, и с Н. А. Котляревским, состоялось в середине июня 1923 г. на Всероссийском совещании по вопросу о дальнейшей судьбе Пушкинского уголка, куда Тимофеева была приглашена для изложения ее мнения. О ее присутствии упоминается в записных книжках Бориса Львовича.

Варвара Васильевна была знакома и с первым президентом Академии наук, Александром Петровичем Карпинским,³¹ который в сентябре 1924 г. приезжал в Михайловское на торжества по поводу столетия ссылки поэта (с 14 по 16 сент.),³² в которых Тимофеева принимала деятельное участие.

Поддерживать постоянную связь с первыми лицами Пушкинского Дома Тимофеевой помогали две давние подруги: Мария Глебовна Кричинская (дочь Глеба Ивановича Успенского)³³ и Надежда Михайловна Гаршина (вдова писателя Всеволода Михайловича Гаршина). Обе в 1920-е гг. служили нештатными сотрудниками этого академического учреждения.³⁴

М. Г. Кричинская была преданнейшим другом Варвары Васильевны: помогала выбивать пайки в Литературном фонде, комитете Дома ученых и других организациях, а затем пересылала их в виде посылок.

Н. М. Гаршина также стала одной из тех, кто не позволял Тимофеевой «сдаваться» жизненным обстоятельствам. В марте 1924 г.,

уголки Псковской губернии. М., 1924 (Сборник по устройству общеобразовательных экскурсий. Вып. 9).

³¹ *Карпинский Александр Петрович* (1846/7–1936) – ординарный академик, с 1926 по 1930 г. председатель Общества друзей Пушкинского заповедника.

³² РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 30, № 3.

³³ Дружба с семейством Успенских связывала Тимофееву с 1890-х гг. В 1902 г. Тимофеева выпустила свои воспоминания о Г. И. Успенском, а в 1908 г. опубликовала переписку Успенского с женой Александрой Васильевной.

³⁴ *Кричинская Мария Глебовна* (1879–1943) занималась разборкой отцовского архива, который состоял в ведении Пушкинского Дома, но хранился в ее квартире. Она была зачислена в штат Архива ИРЛИ в 1932 г. и прошла путь от научно-технического сотрудника до заведующей читальным залом Архива. *Гаршина Надежда Михайловна* (1858–1942) работала в библиотеке Пушкинского Дома с 1923 по 1924 г. Обе скончались в блокадном Ленинграде.

узнав, что престарелой писательнице не смогли помочь ни в одной организации, она предложила ей пересылать некоторую сумму из своей персональной пенсии, которую только что ей помог выхлопотать «добрый, отзывчивый и деятельный» С. Ф. Ольденбург, непреходящий секретарь Академии наук. Она ободряла ее: «...вообще будем хлопотать о Вас, и Платонов,³⁵ и Котляревский (последний только что вернулся из-за границы)» (из письма от 11 июня 1924 г.). Пушкинский Дом выдавал запрашиваемые Постоянной комиссией сведения о Тимофеевой (например, список трудов) и регулярно поддерживал ходатайства Тимофеевой в КУБУ (1923–1924 гг.), откуда она периодически получала небольшое пособие. Большинство писем Гаршиной к Тимофеевой – своеобразные «советы по выживанию», т. е. рекомендации куда, как и кому написать с просьбами о назначении пенсии (Надежда Михайловна в силу возраста занималась этими же вопросами). На нее Тимофеевой была выписана доверенность на получение денег. Гаршина наводила справки, куда можно устроить Варвару Васильевну «кандидаткой в интернат», например, в общежитие Дома работников просвещения. Ее настояниями и усилиями В. М. Никифоровского Тимофеева смогла перебраться в 1925 г. в Ленинград. Основным поводом для беспокойства был вопрос перевозки рукописей и книг. И здесь находчивая Гаршина, только что подарившая Пушкинскому Дому архив мужа, в нескольких письмах убедила и ее сделать то же самое: «Что Вы об этом беспокоились? И неужели Вам не приходит в голову, что Пушкинский Дом будет очень доволен даже принять от Вас такой дар, да к тому же Вы сами, Бог даст, сможете его и обрабатывать» (24 апр. 1925 г.), «архив и книги просите переправить через Пушкинский Дом или даже и в Пушкинский Дом, переговорите с Петром Митрофановичем <Устимовичем>» (30 июля 1925 г.). Уже 20 авг. это предложение было положительно рассмотрено на заседании Ученого совета. В тот же день Устимович отправил сообщение об этом Тимофеевой (официальное письмо ушло тремя днями позже – так скоро тоже его стараниями). Рукописи и книги Тимофеевой, которые и сегодня доступны в библиотеке и Пушкинском кабинете ИРЛИ, были доставлены в пяти бесплатных посылках.³⁶

³⁵ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – академик, директор Пушкинского Дома (февраль–июнь 1924, август 1925–1929).

³⁶ Архив поступил в Пушкинский Дом 30 июня 1929 г. (пост. № 991). Возможно, архив был оставлен у Тимофеевой для систематизации. В Пушкинский Дом передан В. М. Никифоровским, ее «душеприказчиком», после того как Тимофеева, совершенно

Стоит упомянуть и о Николае Васильевиче Яковлеве,³⁷ решавшем вопросы со справками для выделения пособия для Тимофеевой и принимавшем некоторое участие в хлопотах по изданию ее повести «В кабале». Гаршина сообщала, что когда С. Ф. Ольденбург обратился в Пушкинский Дом за полным списком работ Тимофеевой, он получил его от Н. В. Яковлева. В июне 1924 г. Д. О. Святский, сотрудник Ленинградского Госиздательства, также обращался за помощью к Яковлеву, чтобы тот отследил судьбу решения об издании ее рукописи.³⁸

Моральная и материальная поддержка всеми этими людьми В. В. Тимофеевой, как и многих других, брошенных новым режимом на выживание, неоценима. Удивительно, что люди, которым органически были противны действия постреволюционной власти, продолжали бороться с обстоятельствами и творить. Но не будем забывать о том, что пушкинодомцы в трудах великих – «на благо науки» – немалую часть времени посвящали и делам человеческим, на которые в тех нечеловеческих условиях им хватало сил и времени.

ослепшая, была помещена в «дом престарелых у Смольного» (из воспоминаний дочери В. М. Никифоровского – Т. В. Кирилловой; см.: Михайловская Пушкиниана. М., 2001. Вып. 19. С. 178). В 1930-е гг. некоторые материалы архива предварительно разбирала М. Г. Кричинская.

³⁷ Яковлев Николай Васильевич (1891–1981) – историк литературы, архивист, библиограф. В Пушкинском Доме с 1916 г. (нештатным сотрудником описывал поступавшие рукописи), с 1921 г. – на штатной должности научного сотрудника I разряда и эмиссара по собиранию историко-литературных материалов всех отделений Дома.

³⁸ Рукопись сначала затерялась в издательстве, а после настойчивых поисков и работы с ней рецензента была передана Тимофеевой через Устимовича для сокращения. Не издана.